

ному умиротворенію, создасть изъ рода человѣческаго единое цѣлое, которое и противопоставить себѣ всему мірозданію, но не для того, чтобы бороться съ нимъ, а для того, чтобы стать душою, разумомъ вселенной, чтобы устранить все зло, которое совершается по слѣпотѣ тѣхъ силъ, отъ которыхъ зависитъ нынѣ наша жизнь, *наше благо*, взявъ эти силы въ свое управленіе, а не дѣлая изъ нихъ, какъ нынѣ, законы природы, которыми должны будто-бы подчиняться даже существа разумныя. Разумныя существа будутъ вынуждены подчиняться силамъ природы, пока они сами, разумныя существа, безсильны,—безсильны вслѣдствіе розни и вражды, въ которой мы нынѣ находимся.

Указывая съ такою опредѣленностью и такую широкую, всеобъемлющую цѣль роду человѣческому, Н. Э. Федоровъ не говоритъ, что она будетъ достигнута въ безконечно отдаленномъ будущемъ, какъ это думаетъ Джемсъ; Федоровъ полагаетъ, что вліяніе человѣка даже на иныя міры должны сказаться къ тому времени, когда будутъ колонизированы наши азіатскія владѣнія. Если же мы примемъ во вниманіе, что въ началѣ XVIII столѣтія въ Россіи было лишь десять милліоновъ, въ началѣ XIX столѣтія — сорокъ милліоновъ, а въ настоящее время уже сто шестьдесятъ милліоновъ, то нужно думать, что черезъ два—три столѣтія у насъ будетъ тысяча милліоновъ, и наши азіатскія владѣнія будутъ переполнены. Это именно переполненіе, а не умѣлая пропаганда и не умѣлое пользованіе историческими условіями, какъ думаетъ Джемсъ, заставитъ насъ обратиться отъ сваръ, (которымъ мы нынѣ предаемся и которыя отдають насъ во власть силамъ природы), къ общему всѣхъ людей дѣлу, къ управленію слѣпыми силами, отъ которыхъ зависитъ наша жизнь; при чемъ къ этому дѣлу должны быть призваны люди не только безъ всякихъ исключеній, но и на всю жизнь, а не на извѣстное лишь число лѣтъ, какъ желаетъ Джемсъ.

Все это построеніе есть плодъ многолѣтняго труда Н. Э. Федорова, который всего себя отдалъ выработкѣ плана, проекта всеобщаго спасенія ради чего отказался отъ всѣхъ радостей жизни и, будучи принципиально противъ аскетизма, жилъ истиннымъ аскетомъ; умеръ онъ 15 декабря 1903 года въ Маринской больницѣ, и на третій день послѣ его смерти въ № 346 Русскихъ Вѣдомостей, отъ 17 декабря 1903 года, вмѣстѣ съ извѣстіемъ, объ его кончинѣ, говорилось, что Н. Э. Федоровъ былъ „незамѣнимымъ руководителемъ для всѣхъ работавшихъ въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея“ что „къ нему съ уваженіемъ относились такіе, какъ В. С. Соловьевъ и Л. Н. Толстой,“ что „Николай Э-чъ держалъ себя независимо и не былъ способенъ поступаться своими убѣжденіями“, „какъ работника его нельзя было не цѣнить, какъ человѣка нельзя было не уважать, какъ сослуживца нельзя было не любить“. Въ № 353-мъ Русскихъ Вѣдомостей, отъ 24 декабря 1903 года, извѣстная писательница Некрасова еще восторженнѣе отзывается о Н-лѣ, Э-чѣ, она говоритъ: „по своей цѣльности, стойкости своихъ принциповъ и идеальному отношенію къ общественному служенію Н. Э-чъ былъ человѣкъ рѣдчайшій, и уже одною своею жизнью, вносилъ въ окружающее много добраго и поучительнаго“. Въ Московскихъ Вѣдомостахъ было тоже нѣсколько статей, вызванныхъ смертію Н. Э. Фе-